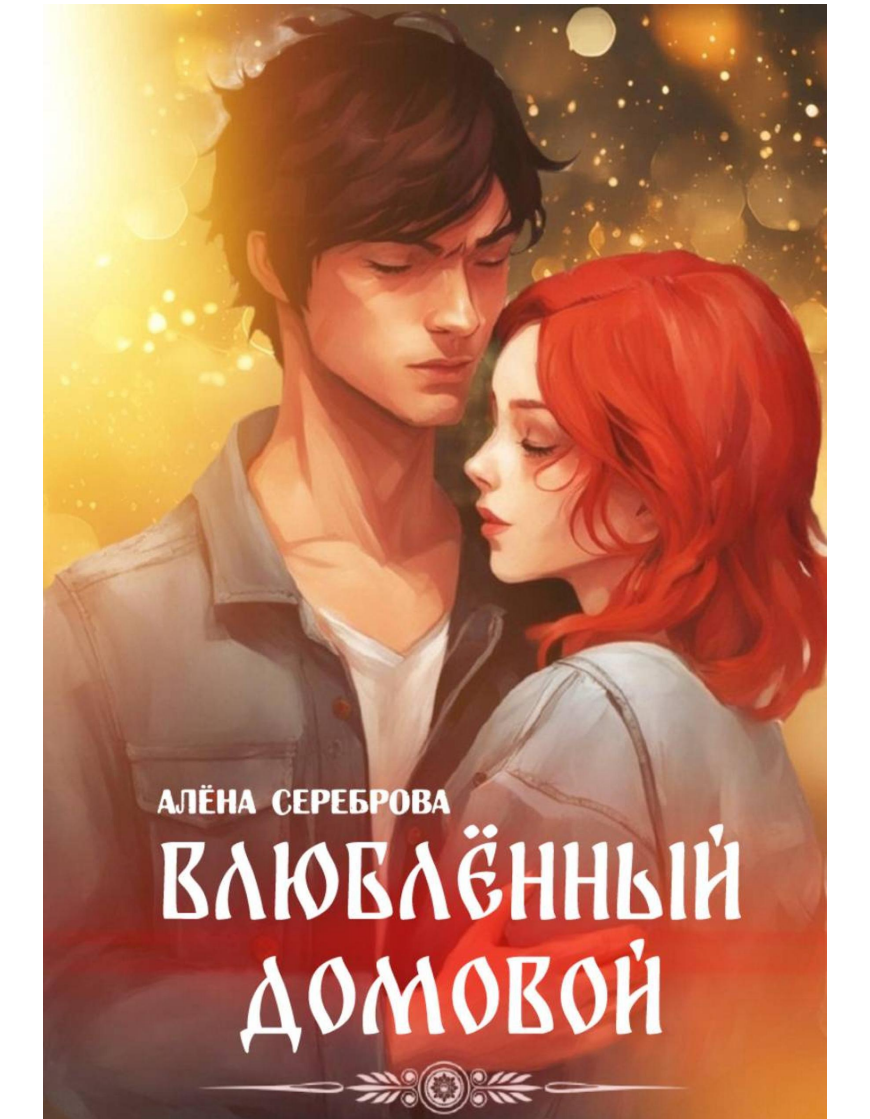

The background of the cover is a romantic illustration of a young man and woman. The man, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a light blue denim jacket over a white shirt. He has his eyes closed and a gentle expression. The woman, on the right, has vibrant red hair and is also wearing a light blue denim jacket. She is looking towards the man with a soft smile. The background is a warm, golden-yellow color with many small, glowing bokeh lights, creating a dreamy and romantic atmosphere.

АЛЁНА СЕРЕБРОВА

ВЛЮБЛЁННЫЙ ДОМОВОЙ

Алёна Сереброва

Влюблённый домовой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73528393

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты домовой, то твой удел – это быт, а свобода ограничивается стенами дома?

Павел – домовой и Лине он достался от бабушки вместе с квартирой. По наследству.

Он должен был быть простым помощником по хозяйству и защитником, а стал другом. Но и этого ему оказалось мало.

Содержание

Влюблённый домовой.	4
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алёна Сереброва

Влюблённый домовой

Влюблённый домовой.

Глава 1

За окном крупными хлопьями валит снег. Сказочно, красиво и... холодно. Только вот с подоконника спрыгивать совершенно не хочется, и он лишь укрывает лапы пушистым чёрным хвостом, продолжая смотреть на проходящих мимо людей.

Не такое уж и плохое занятие для скучающего в пустой квартире... кота.

Он зевает, показывая пустоте внушительный набор клыков, и, дёрнув ухом, распахивает глаза.

Потревоженная кем-то машина кричит на весь двор и проходящий мимо курьер ускоряется, сворачивая к соседнему дому. Кот тут же теряет к нему всякий интерес, отвлекаясь на стайку облепленной снегом детворы. Но и она быстро скрывается из вида, сменяясь пробегающей мимо тёмной псиной.

Кот подозрительно шурится, всматриваясь в тощую длиннолапую фигуру, и успокаивается. Действительно всего

лишь собака.

«Для кого-то другого слишком рано» – успокаивает он себя, возвращаясь к осмотру двора.

Взгляд цепляется за одетую в длинную тёмную шубу женщину с сумкой через плечо. Чудится в ней что-то знакомое, да и идёт она...

Кот приподнимается на все лапы, вглядываясь в приближающуюся фигуру. Та доходит до подъезда и скрывается из вида.

«Мимо?..»

Он прислушивается, но подъездную дверь никто не открывает, да и в домофон не звонят.

«Мимо» – решает он и, едва сев, снова поднимается на лапы.

Короткая бежевая курточка, кофейные спортивные штаны с обшитыми мехом ботинками, белая шапка с помпоном и шарф.

«Лина».

Хлопает подъездная дверь, возвещающая о скором возвращении хозяйки квартиры, и кот спрыгивает с подоконника спеша в прихожую.

Приближающиеся голоса заставляют его притормозить на пороге. Стоит прислушаться, как пазл складывается и показавшаяся смутно знакомой фигура превращается в действительно знакомую.

«М-мать!»

Ему хочется выругаться, но выходит лишь констатация факта. В гости к ним решила нагрянуть Лилина мать.

Недовольно дёрнув хвостом, он меняет траекторию движения, скрываясь в единственной комнате и прикрывая за собой дверь.

Голоса становятся громче, бряцают, выпадая из рук, ключи.

«Тянет время» – благодарно думает он, прикрывая глаза и переходя в человеческую форму.

– Раз, два... – голос хрипит после долгого молчания, но он едва ли обращает на это внимание. Сейчас у него совсем другая задача.

– Неряха, – ворчит он, подбирая с дивана толстый травник.

Следом в стопку отправляются заполненная рецептами тетрадь и бестиарий.

«Говорил же, убирай на место. Так нет же: «Ну, кто может увидеть? Мы живём одни, успокойся». А мне теперь собирай» – мысленно ворчит он, потому что вслух уже нельзя.

Ключ таки провернулся в замочной скважине и теперь голоса звучат уже в прихожей. Совсем рядом, так что у него волосы на затылке встают дыбом.

– А где этот твой? Почему не встречает?

Вопрос заставляет его ускориться. Книжки отправляются на самый верх шкафа, подальше от чужих глаз.

– Он не «этот», у него есть имя, – привычно обижается

Лина. Почему-то она всегда обижается, когда мать так отзывается о нём. – И зовут его Павел.

– Назвала тоже. Будто человека.

– Мам, я тебе говорила, его так уже звали.

– И зачем подобрала... Сколько раз я тебе говорила, что он него только блохи, шерсть и подранная мебель.

– Мама!

Возмущённо глянув на закрытую дверь, он уже собирается снова сменить форму, когда замечает оставленный на подоконнике амулет.

«Растяпа!»

Он едва не ругается вслух, в последний момент прикусывая язык и спешно смахивая костяной амулет на пол. Слишком уж у него вид цепляющий, а лишние вопросы им ни к чему.

– Так, где этот твой...

– В комнате, наверное, заперла случайно.

Он едва успевает сменить форму и открытую дверь встречает в кошачьем виде.

– Мяу, – тянет он для верности, но заслуживает лишь беглого взгляда. Комната и та принимает на себя больше внимания.

– Действительно, – замечает худая, одетая в короткое тёмное платье женщина. – Сидит. Я тебе тут пирожных принесла, сделай чай.

Следом в дверном проёме появляется Лина: раскраснев-

шаяся с мороза, вспотевшая, так что рыжая чёлка прилипла ко лбу.

– Всё в порядке? – она едва слышно шепчет, чтобы хозяйничающая на кухне мать не услышала, и он кивает, недовольно махнув хвостом.

Теперь всё в порядке.

– Прости, – так же тихо просит Лина и он снова дёргает хвостом.

Чего уж там. К её матери он уже привык. Тем более Лине от неё тоже порой достаётся.

* * *

– Не нужны мне эти твои травяные смеси. Сделай просто-го чая. Можно даже из пакетика, если для тебя простой чай слишком сложно.

«Простой чай слишком сложно, – недовольно передразнивает Павел, всё-таки выходя из комнаты. – Травы тебя что, укусят?»

Щёлкает, выключаясь, электрический чайник, шуршит пакетиками чая небольшая коробка. Павел на слух определяет, что осталось там немного. Они с Линой его обычно не пьют, но её мать последнее время зачастила в гости.

– Слушай, – начинает женщина, когда Лина, поставив чашки на стол, садится напротив. – У вас же в этом вашем техникуме по выходным не учатся, да?

– Нет, но... – начинает Лина, но договорить не успевает. Мать перебивает её, будто услышала всё что хотела, а детали

– это мелочи не стоящие внимания.

– Прекрасно. У нас от работы давали путёвки в пансионат на выходные. Я ухватила две, но на разное время. Отдохнёшь как раз, а то бледная, как мышь.

Севший на пороге кухни Павел переводит взгляд с деятельной гостьи на Лину и не может не согласиться. Не мышь, конечно, но усталость от учёбы на лице ярко отражается. Совмещение обычного колледжа с магическим спецкурсом непростое занятие и ест очень много времени и сил.

– Итак?

– У меня... – Лина бросает на него извиняющийся взгляд и заканчивает: – Кот. Я не могу.

«Ну, кот и кот. Чего ты переживаешь? Не чудищем же болотным обозвала».

Если бы он мог, то пожал плечами.

– Ну и что, что кот? – мать тоже бросает на него взгляд, но в отличие от Лениного он холодный и равнодушный, будто перед ней тапочки лежат, а не он. – Оставь корма на пару дней и поезжай. Или его самого соседям оставь, пока тебя не будет.

– Мам, ты...

– У меня осталась копия твоего паспорта, так что я тебя уже оформила и билет купила. Завтра утром ты едешь отдыхать. Если не едешь, то верни мне, пожалуйста, деньги.

Она знает, на что давить.

Павел поднимается на лапы, распушаясь ещё больше и

чувствуя, как поднимается шерсть на загривке. Мать или не мать, но она не смеет давить на его Лину. И плевать ему на её намерения.

– Чего это с твоим котом?..

«Тебе показать, чего?»

– Паш, – тихо зовёт Лина и он мгновенно успокаивается. – Всё хорошо, правда.

– Ты с ним, как с человеком прямо.

– Мам, если ты не любишь животных, это не значит, что их не люблю и я. Если ты пришла в мой дом, то будь добра вести себя хорошо со всеми его жильцами.

Лина поднимается и будто бы становится выше.

«Мой маленький воин» – довольно щурится Павел, садясь обратно и обвивая передние лапы хвостом.

– Это не твоя квартира, а твоей бабушки, – поправляет её мать, тоже поднимаясь из-за стола. – Видимо, ты в неё пошла.

«В неё, – соглашается Павел. – И характером и силой».

– Но она оставила эту квартиру мне, – резонно замечает Лина, даже и не думая садиться. – А значит это мой дом. И да, я похожа на бабушку, я не такая жёсткая и пробивная, как ты. Не вижу в этом проблем.

Вот теперь Лина садится. Не сдаётся, решительности в ней до сих пор хоть отбавляй, а просто возвращается за стол, будто ничего и не было, и берёт с тарелки одно из пирожных.

«"Прага" или что-то похожее» – решает Павел, провожая

шоколадный, состоящий из нескольких слоёв брусочек от тарелки до рта и сглатывает. Его любимый.

Он перебирает лапами, слегка царапая старый линолеум когтями.

«Я тебе оставляю» – одними губами обещает Лина и он довольно щурится, давая понять, что всё понял. Что подождёт.

– В общем вот билеты. Электричка отходит от вокзала в шесть утра. Поезжай, отдохни. Тем более ты там не одна будешь. Помнишь Костяковых? Ты в детстве с их сыном дружила. С Лёвой. Он тоже едет. Его мать к нам недавно работать пришла. Вы давно не виделись, встретитесь, пообщаетесь. Он таким красивым вырос и работает сейчас на хорошей работе.

– Мама!

– Всё, пошла я, у меня дела ещё. Не забудь про билеты.

Она едва не наступает Павлу на хвост, когда проходит мимо. Будто специально ставит ногу так чтобы задеть, но так и не дотягивается.

Павел провожает её недовольным взглядом, но следом не идёт. Только вслушивается в шорохи из прихожей, а потом Лина возвращается на кухню одна.

– Тебе ведь травок, да? – предлагает она, открывая ящик и доставая один из пакетиков. – Как обычно?

– С «Прагой» всё что угодно, – заверяет Павел, перейдя в человеческую форму и подсаживаясь за стол.

Гостя из своей чашки даже глотка не сделала.

«Перевод продуктов» – ворчит он мысленно, отодвигая чашку в сторону.

Конверт с билетами так и притягивает взгляд, и Павел убирает руки под стол. Это не его дело. Как и этот Лёва, который вырос красивым и с хорошей работой. Зато он дом держит в чистоте и почти любое блюдо приготовить может, были бы только продукты.

«А Лине действительно надо отдохнуть и сменить обстановку».

– Поедешь? – вырывается помимо воли.

– А у меня есть варианты? – насмешливо отвечает Лина вопросом на вопрос, ставя перед Павлом большую кружку с травяным чаем. – Еду, конечно. Но ты едешь со мной. И это не обсуждается.

Палец с коротко остриженным, аккуратным ноготком упирается в Павла.

– Как скажешь, – отзывается он, наконец-то добираясь до пирожного и, откусив сразу половину, довольно жмурится. Та самая, любимая «Прага».

– Проглот, – смеётся Лина, забирая с тарелки второе пирожное.

На сладкое вкусы у них сходятся.

* * *

День не задаётся с самого утра. Не выспались, из-за снегопада едва не опоздали на электричку, хотя и выехали заранее, так ещё и та тащилась, как черепашка, и пришла на

станцию с опозданием, отчего на автобус они всё-таки опоздали, и пришлось ждать следующего.

Павлу-то чего, он доехал на Лениной шее, изображая всю дорогу меховой воротник куртки, а вот самой Лине...

– Приехали, – командует она, закрывая дверь маленького, больше похожего на чулан, но личного номера. В базе данных санатория что-то там напутали и в итоге в номер, куда изначально Лина должна была попасть, заселили другую и мест там больше не осталось.

Павел готов был поспорить, что такому раскладу обрадовался не только он. Изображать воротник все выходные ему не улыбалось.

– Приехали, говорю, – ворчит Лина, дёргая за кончик хвоста, и Павел наконец-то отмирает, осторожно стекая с плеч. – Осторожней тут. Не знаю можно ли...

– Они меня даже не заметят, – отмахнувшись хвостом, Павел с удовольствием потягивается, разминая затёкшую от неподвижного висения спину. Поддерживать иллюзию воротника оказалось гораздо утомительней, чем он предполагал. – Ты главное амулет не потеряй, я хочу всё же домой вернуться.

– Не переживай, не потеряю. Он всегда будет при мне.

Словно в подтверждение своих слов Лина вытягивает из-за ворота кремового джемпера костяной кругляшок на кожаном шнурке.

– Как скажешь.

Убедившись, что амулет снова окажется за воротом джемпера, Павел отворачивается, принимаясь исследовать комнату.

«Простенько. Впрочем, всё что нужно есть».

Кровать, узкий шкаф, столик с зеркалом и старым стулом. Павел встаёт на задние лапы, изучая жёсткую конструкцию, и тут же отпрыгивает подальше. Стул скрипит даже от прикосновения. Павлу страшно представить, что будет, заберись он сюда на целую ночь.

«Что будет, что будет. Скорее уж чего не будет. Стула» – ворчит он мысленно, продолжая инспекцию и чихая едва сунув нос под кровать.

Такой подлости и прыти от пыли он не ожидал.

«Нет уж, увольте, я в отпуске! Ваша пыль пусть с вами и остаётся!»

Потерев нос лапой, Павел косится на мурлыкающую себе под нос какую-то песенку Лину и улыбается, жмуря глаза.

«Хорошо, что приехали».

За чуть приоткрытой дверью оказывается персональная совмещённая ванная и даже, пусть и старенький на вид, но фен.

– Паш, – тихо зовёт Лина и он тут же поворачивает морду на голос. – Может, спустимся? Разведаем территорию?

Пока он бродил по комнате, Лина успела не только разобрать небольшую спортивную сумку, оставив там парочку его вещей, взятых «на всякий случай», но и переобуться. На

ногах вместо ботинок красуются чёрные кеды.

– Идём?

Лина проворачивает ручку, открывая дверь, и Павел, не говоря ни слова, выскакивает в коридор, исчезая из поля зрения обычных людей. Впрочем, этих людей тут не так и много. В коридоре второго этажа, где их поселили, и вовсе никого не оказывается, лишь закрытые двери и пустота.

Зато на первом этаже довольно шумно илюдно: шумит лифт, шуршат колёсики чемоданов, звенят на разные тона голоса.

Непривыкший к такому изобилию Павел даже отступает на шаг, упираясь корнем хвоста в ступеньки.

– Не бойся, я рядом, – тихо, так чтобы другие не слышали, шепчет Лина, проходя мимо.

«А я и не боюсь».

Павел встряхивается и отступает от увидевшей его маленький позор лестницы.

Холл, после узкого коридорчика, выглядит поистине огромным. Высокий потолок только добавляет веса этому ощущению.

Павел оглядывается, выискивая успевшую куда-то убежать Лину, и находит её у перемигивающейся огоньками ёлки недалеко от стойки администратора.

«Скоро новый год» – вспоминает он, дёргая хвостом. Со всем забыл, а пора бы уже и ёлку поставить и список продуктов составлять или и вовсе... самому до магазина дойти.

Рано утречком, пока все спят и не увидят его.

Подобравшись поближе к Лине, он замирает пойманным тихим: «Тшш, слушай» и прислушивается. А разговор за стойкой администрации оказывается на удивление занятым и... тревожным.

– ...Да говорю я тебе, опять началось, – шёпотом увещевает одна из работниц санатория другую. – Всё там же...

– У Йоси? У них там что, место прикормленное, – то ли спрашивает, то ли возмущается вторая. Павлу даже кажется, что она сейчас рукам взмахнёт для пущей экспрессии, но нет, сдерживается. – Надо сказать Терентьичу, пусть уберёт.

– Дааа... А то если люди увидят эти дохлые тушки... А ведь увидят же.

Павел чувствует, как меняется настроение. Только что они переживали о проблеме и даже, кажется, побаивались немного, а вот уже профессионально закрылись, уставившись на Лину у ёлки.

– Девушка, вам подсказать что-то? Вы ведь только сегодня заселились? Завтрак, к сожалению, пропустили, но обед...

– Да, – Лина улыбается мило, как только она, по мнению Павла, умеет, и градус настроения снова меняется. Он даже чувствует, как размякают девушки в униформе.

«Магия вне Хогвартса, да, Лина?»

Серию популярных фильмов Павел, благодаря Лине, не только смотрел, но и слушал в её исполнении.

– А кто такой этот Йося?

Одним вопросом она словно выбивает почву из-под ног в миг побледневших девушек и Павел дёргает хвостом, предполагая, что этого неведомого Йосю придётся искать самим.

«Ну не сразу же с плеча, Лина!»

– Понимаете, когда смотрела в интернете куда еду, видела его упоминание, но так и не поняла. Это парк? Или какая-то скульптура? Или может быть дерево?

Девушки выдыхают и перестают бледнеть, а вместе с ними выдыхает и Павел.

«Выкрутилась, чертовка!»

Он почти восхищён.

– Это скульптура. Местные так ласково медного жирафа называли.

– Но сегодня к нему лучше не ходить. Погода, как видите, не особо располагает к прогулкам.

Лина оборачивается к залепленным снегом окнам и кивает, соглашаясь.

– Вы правы. А где этот Йося находится? Хотелось бы всё-таки знать. На будущее.

– Ах, на будущее, – синхронно кивают девушки и всё-таки поясняют дорогу.

Павел вздыхает, грустно глядя на усталое и бледное лицо Лины, понимая, что пройти мимо не получится.

«Вот и сменили обстановку. Вот и отдохнули».

Глава 2

– Ты соврала.

Павел недовольно дёргает хвостом, наблюдая за тем, как Лина застёгивает ботинки.

Обещанное «будущее» плавно, но быстро превращается в «сейчас», потому что, поднявшись после разговора в номер, Лина тут же принялась собираться.

– Соврала. Хочу посмотреть, что там с этой статуей. Вернее, что за «тушки» пока их не убрали.

«Уела» – вздыхает Павел, но вслух говорит совершенно иное.

– Шапку не забудь. И шарф. На улице мерзко.

– Можешь посидеть здесь, пока меня не будет.

Павел от такого предложения аж подскакивает на лапы, разве что шерсть на загривке дыбом не встаёт.

– Поняла, – смеётся Лина, будто в его обиде есть что-то весёлое. Однако этот смех ничуть не раздражает, а наоборот, даже успокаивает. – Идём?

– Ещё раз... – начинает Павел, пока они идут по пустому коридору к лестнице, но не договаривает, потому что Лина заканчивает за него смешливым:

– И в глаз?

– За пятку кусь, – деловито поправляет её Павел. – Ночью, как только выставишь эту самую пятку из-под одеяла. А ты

выставишь...

«Уж я-то тебя знаю» – заканчивает Павел уже мысленно, потому что со стороны лестницы выныривает худенькая невысокая девушка в тёмно-зелёном шерстяном платье и устремляется в их сторону.

Они едва не сталкиваются. Павел в последний момент успевает отскочить с дороги, пропуская девушку мимо себя. Носа касается свежий, морозный запах с ноткой вяжущей сладости. Что-то знакомое, но Павел никак не может вспомнить, что именно тот ему напоминает.

– Мышка бежала, хвостиком махнула... – Долетает до Павла тихий напев. Он будто шлейф тянется от маленькой девушки, затихая по мере её удаления. Будто и вовсе послышалось.

– Паш, идём? – тихо зовёт Лина заставляя отвлечься.

Павел отворачивается, тем более что девушка уже скрывается в одном из номеров почти в самом конце коридора.

Улица встречает их лёгким снегопадом и морозцем.

– Ух, – выдыхает Лина, зябко ёжась и пряча скованные тонкими перчатками ладони в карманы. – Похолодало.

Павел встряхивается, распушаясь, и делает первый шаг на снежное полотно. Он готов согласиться с Линой, на улице действительно стало холоднее. И будто бы темнее, хотя до заката должно быть ещё несколько часов.

– Кажется сюда, – неуверенно шепчет Лина указывая ла-

донью в сторону и Павел следует за ней, осторожно стараясь ступать след в след и не оставлять таких уж явных следов за собой. Хотя сыплющий с неба снег всё равно быстро всё скроет.

– Может тебя понести?

– Может тебя укусить? Я домовой, а не домашний котик.

– Но выглядишь, как он.

Выскочив из-под прикрытия Лениных следов и принимаясь прокладывать путь самостоятельно, Павел недобро косясь на неё, встречаясь взглядом с весёлым прищуром.

– Мы тут не просто так, – напоминает он и едва не тыкает сам себя мордой в снег. В наказание, потому что ему совсем не нравится, как меняется лицо Лины от этих слов. Как она поджимает губы, сосредотачиваясь и переставая отвлекаться.

– Вон там, – замечает Павел спустя какое-то время.

Заснеженный холмик совсем не похож на статую жирафа, но это единственное, что хоть как-то подходит.

– Может быть... – неуверенно шепчет Лина, тогда как Павел уже во всю скачен к высокому, неправильно тонкому сугробу порой увязая в снегу по грудь, а порой и по шею.

– Паш, не торопись! – забывшись, кричит Лина, когда он, оказавшись рядом с сугробом, стряхивает лапами с него снег.

«Действительно...»

Под снегом оказывается бронзовая нога и Павел задирает

морду вверх.

Кажется, они нашли жирафа.

– Чувствуешь что-нибудь? – спрашивает он, оборачиваясь к Лине, и та послушно закрывает глаза, даже не спрашивая то ли это место или нет.

– Холод, – начинает она, хмурясь и на мгновение прикусывая губу. – Темнота. Земля... мёртвая...

Он слышит, как шумно сглатывает Лина, но уже не смотрит. Лапы осторожно ощупывают рыхлый снег, а потом и вообще начинают копать.

Одна. Вторая... Третья...

Теперь приходит черёд Павла сглатывать.

Он откопал всего три тельца, но готов поспорить, что их здесь больше. Земля в этом месте действительно мёртвая. Будто выжженная смертью.

Павел готов поспорить, что даже на кладбищах земля живее будет, живут же на ней кладбищенские стражи, а тут... будто полоса отчуждения какая.

– Она не касается статуи, – севшим голосом шепчет Лина и Павел кивает, снова задирая морду.

– Похоже, они пришли сюда сами.

Павел отступает от находок и садится, подобно манулу ставя лапы на хвост. Подушечки с непривычки мёрзнут.

– Чтобы умереть?

– Чтобы быть высосанными. Подранки, Лин. Они все были ослаблены.

Они оба замолкают, и Павел какое-то время смотрит на находки, вслушиваясь в себя и пытаясь найти хоть какую-то зацепку. У них меньше двух суток на то чтобы разобраться с этим. Если они не разберутся, то Лине придётся докладывать. В конце концов, она просто ученица, а он и вовсе... домовой. Не их это дело и информацией с ними уж точно делиться не будут.

Задумавшись, Павел не сразу замечает поползновение мёртвой пустоты в их сторону. Та успевает протянуть своё эфемерное щупальце почти к самому носку Лениного ботинка, прежде чем он вскакивает, вздыбливая шерсть. Шипение вырывается помимо воли, а в следующий момент Павел прыгает, отгоняя пустоту от Лины и оттесняя ту подальше.

– Идём. Живо.

– Да что... – начинает Лина, но замолкает, то ли почувствовав эту гадость и сама, то ли просто подчинившись.

– Живо в санаторрий, – шипит он, косясь в сторонуходов.

Убедившись, что пустота втянула в себя все щупальца, Павел устремляется за успевшей уже достаточно далеко отойти Линой, а потом и вовсе прыгает, снова взбираясь на плечи.

Так будет быстрее.

* * *

Павел испытывает дежавю, когда спускается с плеч Лины

на пол номера. Снова.

Дёрнув хвостом, он отступает. Хочется спрятаться и подумать, но небольшой шкаф занят, а на нём, скорее всего столько же пыли, сколько и под кроватью. Не в ванную же в самом деле забираться.

– Паш, – тихо зовёт Лина, когда он всё-таки определяет-ся и запрыгивает на кровать, приминая лапами простенькое серенькое покрывало. – Что это было?..

Сев и укрыв хвостом передние лапы, Павел задумывается, пытаясь сопоставить свои знания с тем, что они узнали. Выходит негусто и грустно.

– А на что это похоже, по-твоему? – вопросом на вопрос отвечает Павел, продолжая в уме собирать сразу несколько пазлов, подставляя кусочки информации в картинки и смотря, где они покажутся гармоничней.

– На ритуал, – задумчиво отзывается Лина, закончив с верхней одеждой и присев на кровать рядом. – Только странный... Ритуал обычно сопровождается либо жертвоприношением, либо подношением, но... Ты сказал, что они пришли туда сами и их никто не убивал.

Павел чувствует, как в шерсть на загривке зарываются успевшие согреться пальцы, как они добираются до основания ушей, чтобы почесать там, и жмурится. Когда думает, Лина всегда перебирает что-то в руках или вот, чешет его, будто простого домашнего кота. Впрочем, Павел никогда не был против. Ни когда она была маленькой и приезжала к ба-

бушке в гости, ни сейчас.

– Это детский сад, – тихо откликается Павел и сглатывает в попытке подавить рвущееся из груди кошачье мурчание. А вот пальцам поддается и дальше, поворачивая голову так, чтобы те почесали под подбородком.

– Что?

Пальцы замирают, едва добравшись до горлышка, и Павел открывает глаза, встречаясь с Линой взглядом.

– Детский сад, говорю, – Павел отстраняется, убирая голову от тёплых пальцев, да и Лина убрав руку, забирается на кровать с ногами. – Что-то вроде полосы отчуждения. Ты, наверное, знаешь про реку Смородину и Калинов мост?

Лина хмурится, но кивает, давая понять, что знает и не только то, что в сказках могло вскользь промелькнуть.

– Но причем тут это?..

– Пройти в Навь можно по мосту, через дом Яги и с проводником. Выйти, если удастся договориться с Горынычем, Ягой или проводником так же. А можно сделать проход самому.

– Кто-то пытается пройти в Навь?..

Лина закусывает губу. Павел кивает, соглашаясь, но предлагает и ещё один вариант:

– Или выйти к нам сюда, в Явь. Но у навьих всегда есть свои лазейки и дорожки, так что скорее всё-таки туда. Только, как я уже сказал, это детский сад. Всё слишком наивно сделано.

– Или что-то привело к искажению ритуала... – тихо шепчет Лина.

– Ты хочешь сказать?..

Павел хмурится, перебирая в памяти всё, что они недавно узнали, но добраться до конца мысле-цепочки не успевает, Лина поясняет раньше:

– Жираф. Мёртвая земля была близко к статуе, но...

– Не коснулась её и даже поползновений не делала.

– Поползновений?.. Ты поэтому меня оттуда погнал?

– Пустота выпустила щупальца в твою сторону, я не хотел рисковать.

– Ах ты!..

Лина возмущённо надувается, но просить прощения Павел не намерен. Да он её оберегает, да он не позволит ей лишний раз сталкиваться с бессмысленной опасностью, да...

– Да я. Домовой. И всё, что связано с моим домом находится под моей защитой. Даже ты.

«Особенно ты» – этого вслух Павел говорить не собирается.

– Я не маленькая девочка!

– Ты часть моего дома, – Павел рассерженно дёргает хвостом из стороны в сторону, но видя, как почти сходятся на переносице брови, меняет тему, продолжая уже более мягко и спокойно: – У тебя есть какие книжки на телефоне? Желательно артефакторика.

– Хочешь понять, не магический ли жираф? – понимает

Лина и тянется к мобильнику ещё прежде, чем Павел ответит.

На какое-то время повисает тишина, слышно только шуршание со стороны Лины да шорохи за пределами номера.

Павел погружается в себя, пытаясь восстановить в памяти всё, что успел увидеть недавно, но, оказывается, на статую он особо и не обращал внимания.

Жираф был похож на большой неправильный сугроб: широкое основание тянувшийся вверх с одного бока. Саму статую за этим наносом было видно едва-едва, только низ морды, куда снег не особо добрался, и ногу с которой Павел этот самый снег смёл лапой.

– Мне надо кое-что проверить! – спрыгнув с кровати, Павел устремляется к двери. – Лин, открой дверь, я скоро.

– Куда?!

Отбросив мобильник на кровать, Лина спешит к двери, забыв даже обувь надеть.

– Поищи пока раздел «Символы на амулетах» или как-то так, – вместо ответа бросает Павел и выскакивает из номера, прежде чем Лина хоть что-то скажет.

«Жираф, жираф, жираф...»

С лестницы он едва не падает, разогнавшись так, что последние ступени просто уходят из-под ног. Если бы не кошачьи способности, то тормозить пришлось бы мордой об пол.

С дверью оказывается тяжелее, но вот кто-то входит и он проскальзывает в образовавшуюся щель, устремляясь на

улицу.

Снег так и валит, засыпая всё вокруг и делая дорогу ещё более непроходимой.

«Налево, обойти и прямо вглубь» – вспоминает Павел дорогу прежде чем нырнуть в снежное полотно с нужной стороны.

Рыхлый снег не держит, отчего Павел проваливается по горло, а порой и по самую морду. Чтобы что-то увидеть приходится прыгать, подражая то ли дельфинам, то ли мелким лесным зверькам.

«Так, какая нога?.. – вспоминает Павел, наконец-то оказываясь рядом с «неправильным сугробом». – Левая вроде бы была...»

Он снова поднимается на задние лапы, сбивая снег с нужного места.

«Есть!»

Ему не привиделось.

На тонкой бронзовой ноге, где-то на уровне глаз крупного кота, клеймом выплавлен символ. И Павлу даже не нужно возвращаться в номер, чтобы узнать, что он означает.

«Защита».

Павел, конечно, не колдун и даже не леший или дворовой, но готов поспорить, что на земле, под слоем снега, есть что-то вроде межевой полосы и здесь она замыкается.

«Не там ты решил провести ритуал, кем бы ты ни был. Не там».

Кончик хвоста щекочет потусторонним холодом, и Павел отскакивает, поздно вспоминая о полосе отчуждения и голодной пустоте.

– Нужно с этим что-то делать... – бормочет Павел, отступая под защиту статуи и идущей от неё границы.

«Интересно, тот кто это сделал всё ещё здесь?»

Глава 3

Обратно Павел идёт куда как медленней. Можно сказать, что плетётся в хвосте людей, которые, на удивление, поднимаются на тот же этаж, только сворачивают направо, оставляя левую сторону коридора всё такой же пустой. Будто соседей у занятого им с Линой номера и вовсе нет.

«Есть» – поправляет себя Павел, останавливаясь. Взгляд устремляется в сторону самой последней двери, а память услужливо подбрасывает девушку в зелёном платье, с которой Павел сегодня чуть не столкнулся. Она, конечно, не могла его видеть, поэтому так и вышло, но... Почему-то Павлу показалось, что она вообще никого не видела и будь на его месте Лина, то всё было бы в точности так же.

«И что она там напевала?..» – пытается вспомнить Павел, наконец-то отмирая и продолжая движение.

Он уже подумывает дойти до этой самой двери и, может быть, поскрестись в неё. Вдруг откроют? Однако реальность вводит свои коррективы. Чем ближе Павел оказывается к их номеру, тем отчётливей слышит ещё один напев. Тихий Линин голос вплетается во вновь опустившуюся на второй этаж тишину, не разбавляя её, а будто дополняя.

– В дом приходит коляда,

Открывайте двери.

Мы желаем вам добра.

Вы должны нам верить.

Дайте яблок, пирожок

Этому бельчонку.

Будет счастье вам в срок

И дары под ёлкой.

Будет много добра и любви, и мира.

Всё готовит для вас... – Лина спотыкается, будто забыв слова, но быстро находится, очень тихо и уже не напевно заканчивая: – Символ ламантина.

Дверь в номер оказывается приоткрытой, поэтому-то голос Лины так хорошо и слышен, хотя Павел уверен – она мурлыкала этот странный стишок себе под нос.

«Колядку» – поправляет себя он, вспоминая начало стишка.

Проскользнув в комнату и прикрыв за собой дверь, Павел уверенно находит глазами Лину. Та стоит полубоком у приоткрытого шкафа, рассматривая что-то сероватое в руках.

«Игрушка?..»

– Лин?

Улыбка у неё выходит какая-то рассеянная, да и взгляд странный, затуманенный.

– Лин? – ещё раз зовёт Павел, подходя ближе.

В руках у неё оказывается действительно игрушка: небольшой, с две ладошки, серый потрёпанный ламантин.

– Лин, что ты делаешь? – Павлу становится беспокойно. Взгляд у Лины так и не проясняется, да и не смотрит она на него вовсе, скорее куда-то мимо.

– Да вот... Нашла на полке...

– Положи обратно, пожалуйста, – просит он, подступая ближе. В игрушке кажется нет ничего особенного, по крайней мере Павел не чувствует, но с Линой что-то творится.

– Зачем?... Пусть лучше...

Она не договаривает, когда Павел, будто простой кошак, хватает её когтями за ногу. Кусать из такой позиции неудобно, но когти тоже подойдут. Просыпается и от того и от другого она всегда на раз два. Может и сейчас...

Срабатывает.

Ойкнув, Лина вздрагивает, роняя плюшевую игрушку на пол. Взгляд наконец-то проясняется, а Павел облегчённо выдыхает. Здоровый кусь или царап не только на пробуждение срабатывает на отлично, но, как оказывается, и чарования разрушает.

– За что?!

– За всё хорошее, – ворчит Павел, осторожно подходя к игрушке и обнюхивая её. – Откуда игрушка?

– В шкафу... На полке, кажется,шла.

Ламантин не пахнет ничем кроме пыли и старости. Потрёпанный, но явно когда-то любимый и лелеемый. Павел находит парочку не особо умелых швов и одну заплатку на серых боках.

– Что с ним? Я ничего не чувствовала от него...

– С ним ничего. Или уже ничего. Брось где был, может за ним вернуться.

Даже сказав так, Павел всё равно следит за тем, как Лина касается игрушки, поднимая её с пола, и как закидывает на самый верх.

– Так что случилось? Почему тебя так долго не было?

Закрыв дверцы шкафа, Лина возвращается на кровать. От того что было совсем недавно не осталось ни единого намёка. От неё даже не пахнет никакой волшбой, будто и не было ничего, а ему просто показалось.

– Долго? Минут пятнадцать от силы... Не думаю, что дольше...

– Около часа, – огорошивает Лина. – Я успела пролистать учебник по амулетам и талисманам, найти раздел символов, как ты и просил, а тебя всё не было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.